

можно надѣяться на военныхъ для усмиренія бунтовъ, и все яснѣе и яснѣе становится, что поэтому генералы и офицеры, и солдаты суть только члены торжественныхъ процессій — предметы забавы правителей, большіе, слишкомъ дорого стоящіе, корь-де-балеты.

Тѣ же прокуроры и судьи, и такіе-же засѣданія, но становится все яснѣе и яснѣе, что такъ какъ гражданскіе суды рѣшаются по самымъ разнообразнымъ причинамъ, но только не по справедливости, и что уголовные суды не имѣютъ никакого смысла, потому что наказанія не достигаютъ никакой допускаемой даже самими судьями цѣли, то учрежденія эти не представляютъ никакого другого значенія, какъ только средство кормленія людей, ни на что болѣе полезное (не способныхъ).

Тѣ же священники, и архіереи, и церкви, и синоды, но всѣмъ становится все яснѣе и яснѣе, что люди эти давно уже сами не вѣрятъ въ то, что проповѣдуютъ, и потому не могутъ уже никого убѣдить въ необходимости вѣрить въ то, во что они сами не вѣрятъ.

Тѣ же сборщики податей, но они все менѣе и менѣе дѣлаются способными силою отнимать у людей ихъ имущество, и становится все яснѣе и яснѣе, что люди безъ сборщиковъ податей могутъ по добровольной подпискѣ собрать все, что имъ нужно.

Тѣ же богачи, но все становится яснѣе и яснѣе, что они могутъ быть полезны только въ той мѣрѣ, въ которой они перестанутъ быть личными распорядителями своихъ богатствъ, и отдадутъ обществу все или хоть часть своего состоянія.

Когда же все это совѣмъ и всѣмъ сдѣлается вполне яснымъ, естественно будетъ людямъ спросить себя: «Да зачѣмъ же намъ кормить и содержать всѣхъ этихъ королей, императоровъ, президентовъ и членовъ разныхъ палатъ и министерствъ, ежели отъ всѣхъ ихъ свиданій и разговоровъ ничего не выходитъ? Не лучше-ли, какъ говоритъ какой-то шутникъ, сдѣлать королеву изъ гутаперчи?»

«И на что намъ войска съ ихъ генералами и музыками, и кавалеріями, и барабанами? На что они нужны, когда войны нѣтъ, никто не желаетъ никого завоевывать и даже, если и естъ война, то барышами отъ нея не дадутъ воспользоваться другіе народы, и по своему народу войска отказываются стрѣлять?»

«И на что такіе судьи и прокуроры, которые въ гражданскихъ дѣлахъ рѣшаютъ не по справедливости, а въ уголовныхъ дѣлахъ сами знаютъ, что всякія наказанія бесполезны?»

«И на что такіе сборщики податей, которые неохотно собираютъ подати, а то, что нужно, собирается и безъ нихъ?»

«И на что духовенство, которое давно

уже не вѣритъ въ то, что оно должно проповѣдовать?»

«И на что капиталы въ частныхъ рукахъ, когда они могутъ приносить пользу только сдѣланнымъ общимъ достояніемъ?»

А разъ спросивъ себя объ этомъ, люди не могутъ не придти къ рѣшенію перестать содержать всѣ эти ставшія бесполезными учрежденія.

Но мало того, что люди, содержащіе эти учрежденія, придутъ къ рѣшенію упразднить ихъ, сами люди, занимающіе эти положенія, одновременно или еще прежде этого будутъ приведены къ необходимости отказа отъ этихъ положеній.

Общественное мнѣніе все болѣе и болѣе осуждаетъ и отрицаетъ насиліе, и потому люди, все болѣе и болѣе подчиняясь общественному мнѣнію, все менѣе и менѣе охотно занимаютъ положенія, поддерживаемыя насиліемъ; тѣ же, которые занимаютъ эти положенія, все менѣе и менѣе могутъ употреблять насиліе. Не употребляя же насилія, но оставаясь въ положеніи обусловливаемомъ насиліемъ, люди, занимающіе эти положенія, все болѣе и болѣе становятся ненужными. И ненужность эта, все болѣе и болѣе чувствуясь и тѣми, которые поддерживаютъ эти положенія, и тѣми, которые находятся въ нихъ, сдѣлается наконецъ такова, что не найдется болѣе людей для того, чтобы поддерживать эти положенія, и такихъ, которые-бы рѣшились занимать ихъ.

Разъ я въ Москвѣ присутствовалъ при сборкахъ о вѣрѣ, которые происходили, по обыкновенію, на Фоминой у церкви въ Охотномъ ряду. Собралась на тротуарѣ кучка, человекъ 20 и шелъ серьезный разговоръ о религіи. Въ это же время былъ какой-то концертъ въ рядомъ стоящемъ зданіи Дворянскаго Собранія, и полнейскій офицеръ, замѣтивъ кучку народа, собравшуюся у церкви, прислалъ верхового жандарма съ приказаніемъ разойтись. Офицеру собственно не нужно было, чтобы расходились. Собравшіеся 20 человекъ никому не мѣшали, но офицеръ стоялъ тутъ цѣлое утро и ему надо было что нибудь дѣлать. Молодой малый — жандармъ, молодецки подпираясь правой рукой и гремя саблей, подбѣжалъ къ намъ и строго приказалъ: «Разойтись! Что собрались?» — Всѣ оглянулись на жандарма и одинъ изъ говорившихъ, скромный человекъ въ чуйкѣ, спокойно и ласково сказалъ: «мы говоримъ о дѣлѣ и намъ не зачѣмъ расходиться, а ты лучше, молодой человекъ, слѣзь да послушай, о чемъ говорить. И тебѣ будетъ на пользу», и отъвернувшись, продолжалъ бесѣду. Жандармъ молча отъвернулъ лошадь и отбѣжалъ.

То же самое должно совершиться во всѣхъ дѣлахъ насилія. Офицеру скучно, ему дѣлать нечего; онъ, бѣдный, постав-